

ТАЛЪЯ ЕГОВА

Обреченные

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Талья Егова

Обреченные

«Автор»

2026

Егова Т.

Обреченные / Т. Егова — «Автор», 2026

Эйрис потеряла самого дорогого человека, а вслед за этим - и весь привычный мир. Вирус стёр границы между «вчера» и «сегодня», оставив после себя лишь хаос и вопросы без ответов: откуда пришла беда, есть ли шанс на будущее, стоит ли держаться за прошлое или пора учиться жить в новой реальности. Теперь рядом с ней - союзники, почти чужие люди, с которыми приходится делить страх и надежду. Вместе они ищут путь сквозь руины, пытаются понять правила этого жестокого мира и найти хоть какойто островок безопасности. Перед Эйрис стоит тяжёлый выбор: позволить боли определять каждый её шаг или найти в себе силы идти вперёд, опираясь не на воспоминания, а на тех, кто сейчас рядом. Это история о том, как среди всеобщей паники и отчаяния рождается хрупкая, но упрямая надежда - просто потому, что сдаваться нельзя, пока ты не один.

© Егова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Талья Егова

Обреченные

Глава 1

Шёл обычный день, но для Эйрис он тянулся, как бесконечная серая лента. Она брела по улице, ловко огибая плотные толпы людей, что бурлили возле очередного открывающегося торгового центра, словно вода вокруг камня. В воздухе витал навязчивый запах попкорна и дешёвых рекламных пробников, смешиваясь с городской пылью.

Эйрис окинула эту людскую суету противоречивым взглядом и криво ухмыльнулась, будто увидела нелепую комедию, в которой никто не понял своей роли.

«И что ж вам так это нравится-то? То, что всякие подарки можно заполучить? Ужас Просто убедитесь, и всё. Так от вас будет больше проку, чем видеть ваши халявные мордашки каждый раз при открытии очередного муравейника», - пронеслось у неё в голове, едкое и горькое, как привкус металла на языке.

Она глубже сунула руки в карманы своих поношенных джинсов - ткань на коленях уже истончилась, протёршись до лёгкой белёсости, - и двинулась дальше, оставляя за спиной кричащую толпу, вспышки фотокамер и радостные вопли, похожие на птичий гвалт. За этот месяц это уже пятый по счёту торговый центр в городе. Эйрис не понимала, зачем их строят. Ей куда ближе были тихие, почти забытые улочки, где тени ложились ровно, а пространство дышало свободой. То, во что превращался её прежде уютный городок, вызывало в ней глухое раздражение. Хотелось порой прийти и взорвать к чертям эти многоэтажки, набитые магазинчиками, будто пилюлями в блистере. «Только планету загрязняют, убожества!» - мысленно фыркала она.

Так, отрешённая от городской суеты, Эйрис медленно добралась до парка. Здесь шум города становился глуше, растворяясь в шелесте листвы и редких птичьих трелях. Дорожки, выложенные неровной брусчаткой, петляли между старыми клёнами, чьи кроны сплетались над головой в зелёный свод. Она не обращала внимания на редких прохожих - тех, кто спешил по своим делам, уткнувшись в экраны телефонов, или выгуливал собак, - её взгляд был устремлён вперёд, к той самой скамейке.

Скамейка стояла в самой глуши парка, в укромном уголке, где трава росла чуть выше, а воздух был свежее. Она, как верный старый друг, всегда оставалась свободной - будто сама судьба берегла это место для Эйрис. Плюхнувшись на деревянные доски со всей усталостью, что копилась в мышцах и мыслях весь день, девушка запрокинула голову и уставилась в небо. Белые облака, лёгкие и небрежные, будто нарисованные кистью на голубом холсте, медленно плыли куда-то вдаль. В такие моменты могло показаться, что она и правда ненавидит людей. Но всё было не так просто. Скорее, она недолюбливала ту их часть, что бежала за выгодой, теряя себя в погоне за «бесплатным сыром», презирала высокомерие и глупость, что выставлялись напоказ. Не всех же можно внести в этот чёрный список, правда?

Вдыхая свежий, чуть влажный от недавней росы воздух, Эйрис даже не заметила, как к ней подошли две девушки. Тени скользнули по траве, и только хруст сухой веточки под чьей-то ногой нарушил тишину.

- Ты опять пары прогуливаешь? Серьёзно? - раздался слегка грубоватый женский голос, в котором слышались нотки усталого упрёка.

Эйрис никак не отреагировала, будто слова пролетели мимо, не задев ни одной струны в её душе.

- Тише, Бри, она же отдыхает, - саркастично подметила вторая, но в её интонации угадывалась скрытая забота.

Эйрис продолжала сидеть неподвижно, словно статуя, вырезанная из тёмного камня.

- Твоих родителей вызвали, ты в курсе? - не сдавалась Бри.

- Теперь в курсе - тихо, почти шёпотом, проговорила Эйрис, и в этом голосе не было ни раскаяния, ни тревоги - лишь тяжёлая, привычная усталость.

- И что делать думаешь?

- А по мне не видно?

- Видно, что тебе, как всегда, начхать. Но это уже не шутки! Ещё один вызов -и тебя точно исключат! - настойчиво тараторила вторая девушка, её голос дрожал от смеси раздражения и страха за подругу.

Эйрис медленно выпрямилась, каждое движение давалось ей будто сквозь густую, вязкую тишину. Она подняла взгляд, и в её глазах мелькнуло что-то тёмное, острое, как лезвие. Перед ней стояли две её подруги, такие разные, но одинаково переживающие за неё, хоть и по-своему.

Бри - высокая, статная, с короткой стрижкой «под мальчика». Её волосы, выкрашенные в насыщенный бордовый цвет, отливали гранатовым блеском в лучах солнца. В носу поблёскивала маленькая серебряная серьга, а на запястье темнели тонкие браслеты из кожи и металла. Её поза была напряжённой, будто она готовилась в любой момент либо схватить Эйрис за руку, либо отступить, если та взорвётся.

Рядом с ней стояла Лора - полная противоположность: с длинными, до лопаток, блондинистыми волосами, мягкими волнами обрамляющими лицо. Её взгляд был чуть виноватым, будто она чувствовала себя неловко из-за того, что приходится давить на подругу, но не могла поступить иначе.

- Вы чего хотите-то? Сами знаете, мне побоку, что там происходит. Прекрасно знаете, что я вообще не хотела учиться! Так что отвалите и дайте отдохнуть! — голос Эйрис прозвучал резче, чем она планировала, и слова повисли в воздухе, как осколки стекла.

- Ты так изменилась, Эйр Он бы - начала Лора, но не успела договорить.

- ЗАТКНИСЬ, ЛОРА! Ещё слово - и тебе придётся искать нормального стоматолога! - Эйрис вскочила на ноги так резко, что скамейка жалобно скрипнула. Её глаза метали искры, а кулаки непроизвольно сжались, ногти впились в ладони. Не дожидаясь ответа, она быстро зашагала вперёд, оставляя подруг позади, а вместе с ними - и все невысказанные упреки, тревоги и воспоминания.

- Бри, как ты думаешь, она долго ещё будет такой? - тихо спросила Лора, когда шаги Эйрис растворились в шуме парка.

- Какой, Лор? Ненавидящей весь мир? Я не знаю - ответила Бри, глядя вслед подруге, и в её голосе прозвучала такая глубокая печаль, что даже ветер, казалось, на мгновение затих.

С грохотом захлопнув входную дверь, Эйрис метнулась по коридору, будто за ней гнался сам вихрь. Она знала: если сейчас попадётся на глаза матери - той хватит пары секунд, чтобы устроить грандиозную взбучку, с перечислением всех её провалов, начиная с прошлого года и заканчивая сегодняшним утром.

Влетев в свою комнату, Эйрис захлопнула дверь и тут же плюхнулась лицом на кровать - так, что пружины жалобно скрипнули. Её комната была островком хаоса, который она сама создала и к которому привыкла: на стуле громоздилась гора несвежей одежды, на столе - раскрытые, но так и не прочитанные учебники, а на полке - фотографии, большинство из которых она давно перестала замечать. Лишь одна, в простой деревянной рамке, стояла чуть в стороне: на ней Эйрис смеялась, прижавшись плечом к Мартину. От одного взгляда на неё внутри всё сжималось, поэтому Эйрис давно научилась обходить эту фотографию взглядом.

- И вот надо было им испортить всё настроение?! - процедила она сквозь зубы, сжимая одеяло до побеления костяшек. Уткнувшись лицом в мягкую ткань, она закричала - глухо,

яростно, так, чтобы никто не услышал, но чтобы хоть как - то выпустить наружу эту давящую, колющую боль. Она делала так каждый божий день вот уже шесть месяцев. С того самого момента, как Мартина не стало. Каждый раз, когда кто-то хоть краем задевал эту тему, в груди вспыхивало такое острое, почти физическое бешенство, что хотелось разорвать этого человека на части. Именно поэтому она уходила, хлопала дверьми, огрызалась, не давая своим мыслям вырваться наружу в виде слов, которые потом нельзя будет забрать назад.

- ЭЙРИС! - раздался за дверью резкий, звенящий от напряжения голос матери.

Через секунду дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену, и на пороге возникла Нина. Ей было сорок семь, но сейчас она казалась старше: в синих джинсах и коричневой водолазке, с чёрными как смоль волосами, затянутыми в небрежный пучок, она выглядела одновременно уставшей и разъярённой. На её лице читалось раздражение, смешанное с беспомощностью - будто она сама не знала, как ещё достучаться до дочери.

- Почему нас с отцом опять вызывают?! Ты хоть понимаешь, что это уже не шутки?! Тебя скоро исключат, и что тогда? Будешь всю жизнь сидеть дома и портить всем нервы?!

- Уйди, женщина, не до тебя сейчас! - глухо проговорила Эйрис, не отрывая лица от одеяла. Слова звучали грубо, нарочно грубо - чтобы оттолкнуть, чтобы не пришлось смотреть матери в глаза и видеть там эту смесь злости и боли.

- Да как ты - начала Нина, голос её дрожал от возмущения.

- Потихе, Нина. Потихе, - раздался спокойный, но твёрдый голос за её спиной.

На пороге появился Джейс - высокий мужчина пятидесяти лет. На его тёмной голове уже отчётливо проступали седые пряди, а белая рубашка и чёрные брюки выглядели слегка помятыми, будто он весь день провёл, пытаясь удержать на плечах невидимую тяжесть. В его взгляде было столько усталости и тревоги, что даже Нина на мгновение замерла.

- Нина, - повторил он, и в этом одном слове прозвучало столько невысказанных просьб, что она, цокнув языком, резко развернулась и ушла на кухню, громко хлопнув дверью.

Джейс прошёл в комнату, тихо прикрыл за собой дверь и сел на край кровати рядом с дочерью. Он не пытался её обнять - знал, что сейчас любое прикосновение будет воспринято как вторжение. Вместо этого он просто посидел рядом, давая ей понять, что он здесь, что он не собирается её судить.

- Конфетка, что происходит? Почему ты опять не в колледже? - спросил он тихо, почти шёпотом, будто боялся спугнуть её словами.

- Потому что! - всё так же в одеяло буркнула Эйрис, но в этом «потому что» уже не было прежней злости - только глухая, тяжёлая усталость.

Отец выдохнул, провёл ладонью по лицу, словно стирая с него следы бесконечных бессонных ночей. Ему было невыносимо видеть дочь в таком состоянии уже шестой месяц подряд. Он понимал, что это не просто подростковый бунт и не каприз - это боль, которая не даёт ей дышать. Но он также знал, что давить нельзя: она только сильнее закроется, уйдёт в себя, и тогда до неё уже не достучаться.

- Ты не обязана рассказывать, если не хочешь, - мягко произнёс Джейс, глядя куда-то в сторону, чтобы не смущать её прямым взглядом. - Но если вдруг захочешь просто выговориться - я тут. Хоть посреди ночи. Хоть когда угодно.

Эйрис на мгновение замерла, пальцы чуть ослабили хватку на одеяле. Внутри что-то дрогнуло, - не желание открыться, нет, скорее, крошечное, почти незаметное облегчение от того, что кто-то не требует от неё объяснений, не обвиняет, не пытается «исправить».

- Просто всё бесит, - наконец пробормотала она, всё ещё не поднимая головы. - Всё. Колледж, эти дурацкие пары, люди, которые смотрят на меня так, будто знают, что со мной не так, учителя, которые делают вид, что им не всё равно И каждый раз, когда кто-то заводит разговор про будущее, про планы, про «ты должна», мне кажется, что я сейчас взорвусь.

Джейс кивнул, будто эти слова были именно тем, что он и ожидал услышать.

- Понимаю, - тихо сказал он. - Когда земля уходит из-под ног, любые «должны» звучат как издевательство.

Эйрис чуть повернула голову, улавливая в его голосе не жалость, а что-то другое - что-то, похожее на понимание. Она хотела было снова спрятаться в одеяло, отгородиться от всего мира, но вместо этого тихо спросила:

- А ты ты когда-нибудь терял кого-то, после чего всё казалось бессмысленным?

Отец на секунду закрыл глаза, словно возвращаясь в какое-то далёкое, болезненное воспоминание.

- Терял, - признался он после паузы. - И да, тогда казалось, что смысла вообще ни в чём нет. Что лучше просто сидеть и смотреть в одну точку, чтобы не чувствовать эту пустоту. Но знаешь, что самое странное? Смысл не приходит сам по себе. Его не приносят на блюде. Иногда он прячется в мелочах: в чашке горячего чая, в том, что кто-то просто сидит рядом и не требует ничего объяснять Или в том, чтобы в какой-то день всё-таки дойти до колледжа, потому что там есть хоть что-то, что не связано с этой болью. Не ради оценок. Просто чтобы почувствовать, что ты всё ещё можешь сделать хоть что-то.

Эйрис ничего не ответила. Она не была готова соглашаться, не была готова обещать, что всё наладится. Но впервые за долгое время ей не захотелось кричать, не захотелось хлопнуть дверью и убегать. Она просто лежала, слушая тихий голос отца, и чувствовала, как эта давящая волна внутри чуть-чуть отступает, давая ей возможность сделать ещё один вдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.